

ПИСЬМА Г. П. ФЕДОТОВА К ЗОЕ МИКУЛОВСКОЙ
ЧАСТЬ II
(Публикация, подготовка текста и комментарии С. С. Бычкова¹)

1948

18

<письмо утеряно>

19

Special Delivery

Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St.
New York, NY
[Нью-Йорк,] 1 марта [1948]²

Милый друг мой, Зоя,

Мне тяжело писать Вам то, что Вы прочтете, но я убежден, что должен написать ради будущего наших отношений, нашей дружбы (или любви). Прочтите и Вы это без гнева. Помните, мы раз говорили о культуре человеческих отношений? Их надо беречь и ухаживать, как за цветами, а особенно мне, для которого это почти вопрос жизни.

Чтобы сказать все сразу, наши встречи и наши беседы с каждым разом теряют в своей содержательности. Мы давно уже не беседовали серьезно, по душе. И я все чаще раздражаю Вас или попыткой противоречить Вам или так, без причины. Вам все чаще приходится в чем-то просить прощения, когда Вы ни в чем не виноваты. Чем это кончится? Вы отказываетесь сами найти причину, ссылаетесь на что-то в Вас самих, иррациональное, но я много думал и вижу целый ряд причин, которые отчасти в нашей власти. Скажу заранее, что ни одна из них мне не кажется роковой. Если бы когда-нибудь Вы чувствовали ко мне влюбленность, то она могла бы, даже должна была бы кончиться, оставив после себя горький осадок. Но этого не было. А в дружбе Вы верная, я много раз имел случай в этом убеждаться. Моя же любовь не слабеет, скорее напротив.

Вот те причины, которые для меня ясны. Во-первых, частота наших встреч. По неравенству наших чувств, то, что для меня является постоянной, неутолимой

¹ При участии В. В. Янцена.

² Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

потребностью — близость к Вам — не может быть такой же для Вас. И я должен был бы с этим считаться. Тут всецело моя вина.

Во-вторых, перемена в Вашей жизни. Пока Вы были заняты скучной работой, наши встречи были для Вас праздником. Прежде всего, праздником ума, который не находил для себя пищи в Вашей работе. Оттого один краткий час в милом Tea Room мог вместить так много — и мыслей и стихов. Теперь, когда Ваша жизнь внезапно стала так полна, и в голове Вашей книги, идеи и экзамены вытеснили, кажется, все — о, конечно, на время — Вам жаль оторваться и на час от любимого труда, и нет потребности думать и говорить о чем-либо, кроме него. Это так естественно, и тут нет ничьей вины. Или опять все та же моя вина — настаивать (хотя бы только психологически) на частых встречах.

Но есть, мне кажется, и третья причина, более серьезная. Она — в некоторой противоестественности моего отношения к Вам. Моя любовь, или обожаение, заставляет меня стоять на коленях. О чем бы я ни говорил с Вами, даже спорил, даже говорил неприятности, я чувствую, что я стою на коленях. Не можете не чувствовать этого и Вы. Но это разрушает ценность той дружбы, которая могла бы существовать между учителем и ученицей. Простите, что я называю себя Вашим учителем. Ради истины я должен сказать это, как должен только что назвал себя Вашим рабом. Вы для меня не только роза, над которой поет соловей («а роза милая не чувствует, не внимлет»¹). Я верю, что у меня есть долг по отношению к Вашей душе. Я для себя определяю его так. Тебе дан чудный по природе алмаз. Но он еще не отшлифован. Ты должен ограничить его. Чтобы это было возможно, Вы должны признать мое право на это. О, я много раз слышал от Вас о какой-то пропасти, которая нас разделяет. Пропасти нет, но есть расстояние культуры, может быть, столь же большое, как разница лет нашей жизни². Университет (особенно американский) сам по себе не даст Вам этой культуры. Не вижу я здесь и той культурной среды, которая некогда была в России и воспитывала людей самым фактом общения. Без ложной скромности, думаю, что лучше меня Вам не найти учителя или проводника. По крайней мере, на первых порах.

Однако, ученичество, в сфере культуры, т.е. в сфере ценностей, не легкое дело. Оно означает готовность и способность отказываться от того, что привык считать истинным или прекрасным. Это как в искусстве: всякий мастер требует прежде всего, чтобы ученик отказался от дурных привычек, или от старой школы.

По счастью, нас мало что разделяет по существу: ни вера, ни этика, ни политика. Более всего, искусство. Но для нас с Вами это не мелочь, ведь Вы сами поэт.

¹ См. стихотворение А. С. Пушкина «Соловей и роза».

² Федотов был старше Зои на 36 лет.

И в то же время, это область, в которой наш век переживает перманентную революцию. Не обязательно следовать во всем за веком, но обязательно участвовать в его опыте. На этом пути для нас неизбежны споры, столкновения мнений и вкусов. Это прекрасно, что Вы защищаете Ваших богов, Вы не должны сдаваться без боя. Но как вести спор с учителем, который стоит на коленях? Пока он на кафедре, его слова имеют авторитет. Но в рабском виде? У древних римлян были рабы-философы из греков, которым они поручали воспитание своих детей. В России были дядьки из крепостных. Но их влияние не могло не подрываться их социальным положением. Это проблема для нас обоих. Я только знаю, что мой долг бороться с Вами ради Вас самих (как в других вещах защищать Вас от Вас самих), как ни тяжело для меня малейшее противоречие Вам. Встать с колен? Едва ли это для меня внутренне возможно. Ведь, дело о внутреннем, а не о внешнем. Ведь, этого не скроешь от Вас. Верю, что мы найдем способ выйти из этой трудности.

А сейчас надо прежде всего что-то изменить в характере наших встреч. Встречаться реже, но более содержательно. Вот что я предлагаю Вам. Уделить мне один вечер в неделю (т.е. 2–3 часа, лучше всего за обедом). Фиксировать этот день, как фиксировать часы Ваших лекций, и внутренне подготовиться к нему. Я буду отмечать для себя те мысли, которыми я хочу поделиться с Вами, из того почти непрерывного разговора, который я веду с Вами мысленно. Если же это Вам покажется слишком большой жертвой (боюсь, что покажется, при Вашей перегруженности), то остается героическая мера. 15 марта начинается наш Великий Пост. Я предлагаю не видеться с начала поста до Пасхи, чтобы этим воздержанием купить себе действительный праздник свидания. К тому времени, вероятно, и Ваш студенческий голод будет утолен, и я, может быть, в этой аскезе найду некоторое равновесие. Моя любовь безгрешна, и ей нечего жертвовать даже постом. Но мои отчаяния действительно грешны, и их надо преодолеть.

Впрочем, во всем, что я писал, я старался иметь в виду Вас одну, Вашу пользу и сохранение нашей дружбы, которая и для Вас может быть полезна, и для меня бесценна.

Подумайте спокойно о моих предложениях, не сердитесь. Вы знаете, какое счастье для меня — видеть Вас, говорить с Вами, целовать Ваши руки. Если я готов отказаться на время от этого счастья, то для того, чтобы спасти большее.

Зоя, родная, умная, друг мой, Вы меня поймете.

Ваш навсегда Г. Ф[едотов].

3 марта. Простите меня за мои дурацкие стихи¹. Я не могу жить без Вас, я хочу жить для Вас, не отвергайте меня. Вы у меня единственный друг на свете. Г.

¹ О каком стихотворении идет речь, неизвестно.

20

Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St.
New York, NY
[Нью-Йорк,] 4 марта 48¹

Милая Зоя,

Это письмо будет только о Вас и для Вас. Я под впечатлением Вашей жалобы вчера — тоном Вашего голоса особенно — когда Вы сказали, что не справляетесь с работой в колледже. Это, конечно, не ново для меня. Но, теперь Вы, кажется, дошли до отчаяния, точно все, что мы с Вами строили с таким трудом и чему так радовались — Ваше учение — в самом деле рушится.

Зоя, посмотрите трезво на положение. В колледже задают свыше меры. Почему? Потому, что очень глупы сами, вероятно. Американцы вообще глупы, а их школьные системы сплошная нелепость.

Для чего же Вам губить себя из-за их идиотизма? Выход самый простой. Сказать себе раз навсегда: это ты можешь, этого нет. И даже не пытаться перепрыгнуть Ваш выше головы. Бывают в жизни решающие моменты, когда нужно победить во что бы то ни стало — или умереть. Тогда нужно выжать из себя, из своего тела, своего мозга последнюю каплю сил. Это сейчас не Ваше положение. Если Вы будете получать не А+, а А-, даже В — это не помешает Вам окончить колледж (который имеет для Вас лишь внешнее значение средства или искусственного препятствия на пути к настоящей школе). Я знаю в Вас эту черту — она одна из самых благородных в Вас — сделать все, что от Вас требуется, как можно больше и как можно лучше. Это больше, чем добросовестность. В этом есть жар души, страсть, самоотверженность. Но если этот высокий порыв брошен не на самое высокое дело, не на Ваше призвание, а на чужие, Вам навязанные цели («гетерономные»), то они Вас могут убить или раздавить. Я не в первый раз вижу Вас в этом кризисе. Сначала Вы жаловались, что обрете[не]ны долгом по отношению к Вашим друзьям и семье, должны отказаться от личной жизни, потом это был Hearn's и русский язык в школе (свыше Ваших сил), теперь колледж. Нельзя же делать из каждой работы смертную муку. Надо занять такую (более высокую) позицию к жизни, с которой все жизненные дела и делишки займут настоящее место. Позвольте мне еще раз повториться: иерархия ценностей! Не жертвовать подлинно важным, хотя и как будто далеким ради текущей дребедени. Она, как песок, слепит глаза, облипает душу, убивает жизненные силы. Возьмем хотя бы книги, которые дают Вам в

¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

колледже. Я допускаю, что среди массы хлама, рекомендуемого дурами, есть и действительно хорошие книги, которые могут обогатить Вас, воспитывать Ваш ум. Но для того, чтобы они стали частью Вашей личности (а только это и ценно в культуре), нужно не только проглотить их, а и подумать над ними, поспорить с ними, кое-что записать. Иначе и они обращаются в песок. Впрочем, это Вы и сами знаете. Вывод такой: оставьте себе только такие книги для изучения. А остальные перелистывайте, и не очень беспокойтесь об отметках. Конечно, здесь тоже нужна мера, опыт научит, в какой мере следует считаться или не считаться со школой: читать ли половину, три четверти или четверть. Отметки укажут практический предел Вашей свободы.

Подумайте и о том, что, помимо научных книг, для Вашей культуры Вы нуждаетесь и в другом: поэзия, музыка, искусство, общение с людьми...

Главное, не теряйте мужества, когда Вы вышли на большую дорогу, когда Ваша цель уже близко.

Я знаю, я растерял весь свой авторитет у Вас своим безрассудным поведением. Но умоляю Вас, подумайте о том, что я сказал. О, как я хотел бы быть с Вами, чтобы успокоить Вас, убедить — погладить по голове, как мою милую дочку (а не как смешной влюбленный). Милая, будьте умницей, пожалейте себя.

Г. Ф[едотов].

21¹

27 марта

Если сердце полно нежности,
Не ~~найти~~ найдешь тогда и слов,
И уносишься в безбрежности
Полумыслей-полуснов.

В час полночный, в час таинственный
О тебе ли не мечтать?
Друг мой милый, друг единственный,
Что тебе мне пожелать?

Сладкий труд ~~святыми~~ златыми грезами
Пусть завьет тебя апрель,
Пусть осыплет ангел розами
Твою девичью постель.

¹ На конвертах этого и некоторых других нижеследующих писем не указаны адреса.

22

Special Delivery

Miss Zoya Mikulovsky

98 Cannon St.

New York, NY

[Нью-Йорк,] 30 апр[еля] 48¹

Милая Зочка,

Надеюсь, что Вы лучше чувствуете себя сегодня. Постарайтесь, прошу Вас, на одну ночь забыть обо всех делах и заботах и думать только о том, что Христос воскрес. И что это значит для всех нас!

Пишу Вам потому, что завтра в 12 ч[асов] я буду в церкви (у Хр[иста] Сп[асителя]²) на обедне, а потом поеду за куличом. Во всяком случае буду дома в 6 часов. А увидимся в церкви. Будем радоваться вместе.

До свидания, радость моя, с наступающим праздником.

Ваш всегда Г. Федотов.

[Приложение]

Мне снилось: сквозь дождь и ненастье
Брожу я, паломник седой,
В глухих переулках, где счастье
Когда-то играло со мной.

Напрасны молитвы и слезы,
Мне дома того не найти,
И тщетно я желтую розу
Стараюсь от бури спасти.

Безумца никто не услышит.
Но чую я в смертной тоске,
Что роза согрелась и дышит
В моей кочневшей руке.

¹ Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

² Храм Христа Спасителя располагался в Нью-Йорке на 121-й улице и Мэдисон-авеню, в здании бывшей епископальной церкви, которое было куплено православной общиной русских эмигрантов в 1927 г. В 1948 г. он получил статус кафедрального собора.

Исчезли и город и зданья,
Не видно ни зги впереди,
А я все иду на свиданье,
И роза пылает в груди.

23

Special Delivery

Miss Zoya Mikulovsky
98, Cannon St. App. 26
New York, NY
[Нью-Йорк,] 8 мая, 9 час[ов, 1948]¹

Милая Зоя,

К несчастью, Колумбийский экземпляр Пиранделло (*Right you are*²) взят. Я сделаю попытку купить в книжных магазинах, но не думаю, что удастся достать. А без книги у меня нет ни повода, ни права ехать к Вам. Значит, я не увижу Вас, по крайней мере, два дня. Пожалейте меня. Пишу Вам это Special Delivery — на случай, если Вы решите ехать в библиотеку в свой колледж, чтобы из-за моего обещания Вы не упустили нужную Вам книгу.

Целую Ваши милые руки и желаю успеха в Ваших трудах.
Ваш Г. Ф[едотов].

¹ Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

² *Right You Are!* By Luigi Pirandello. English version by Arthur Livingston. New York: E. P. Dutton, 1922. Луиджи Пиранделло (1867–1936) — итальянский писатель и драматург. В письме Федотова идет речь о его пьесе «Это так, если вам так кажется» (1917).

24

Special Delivery

Miss Zoya Mikulovsky

98, Cannon St. App. 26

New York, NY

[Нью-Йорк,] 29 мая 48¹

Милая Зоя,

За несколько минут на скамейке Вы дали мне столько счастья, что... я хотел было удариться в риторику², но останавливаю себя и, строго проверив, говорю: что хватит на целые сутки. А всего только тем, что Вы такая хорошая, чистая. И это светится в Вас и излучается на всех (даже на армян). Как мне благодарить Бога за то, что Вы живете, дышите рядом со мной? Простите мое ненасытное желание Вас видеть. Я должен быть доволен и тем, что Вы живете на свете.

Ваш Г. Ф[едотов].

25

Special Delivery

Miss Zoya Mikulovsky

98, Cannon St. App. 26

New York, NY

[Нью-Йорк,] 10 июня, 8 ч[асов утра, 1948]³

Милая, простите меня. Я, конечно, был неправ, когда сказал, что Вы не хотите одолжаться. Этот мотив есть у Вас, когда дело идет о деньгах. Но в данном случае я верю, что Вы, ~~конечно~~, не хотели обременять меня. Но разве Вы не знаете, какую радость дает мне делать что-нибудь для Вас? Хотя бы самое пустое и неинтересное дело. Весь день для меня становится праздничным, обещающим, когда я думаю, что сегодня я должен что-нибудь для Вас. Это как бы замена свидания.

¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте, на обратной стороне которого рукой Зои написано четверостишие:

Можно только [идти] скользить, не спеша [чуть дыша],
Под торжественной пуши навесом
И почувствовать вдруг, что [как] душа
Причастилася к таинству леса.

В конверт также вложена записка с номерами телефонов: МО 2-9524; 29824.

² В оригинале письма: «реторику».

³ Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

Ну, а теперь подумайте, как жалок человек, и как труден, почти невозможен бескорыстный поступок. Так как делать для Вас удовольствие для меня, то оно становится эгоистическим удовольствием, и я начинаю бороться за это него как за свой корыстный интерес. — И даже против Вас. Борьба двух великодуший почти ничем не отличается от борьбы эгоизмов. Я не сумел остановиться вовремя. Сделайте из этого психологические выводы, если хотите, и простите меня.

Меня особенно мучит мысль, что, может быть, из-за меня Вы плохо спали, а сон Вам так необходим. Да пошлет Вам ангел его в эту ночь и забудьте, если можете, все это происшедшее.

Ваш весь и всегда Г. Ф[едотов].

26

From G. Fedotov
c/o M. M. Karpovich
West Wardsboro
Vt.
Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St.
New York 2, NY
[Вест Вардсборо,] 7 июля [1948]¹

Милая Зоя,

Как передать Вам резкость перемены, которую я пережил в течение одного дня, вчера... Я точно попал на Марс, где вся жизнь другая. Начать с того, что мы здесь мерзнем даже днем, на солнце, ходим в теплых свитерах² и т.д. И не думайте, что это приятно после нью-йоркской жары. Удивительное существо человек. Я уже забыл физически ощущения жары и мечтаю только согреться на солнце (не думайте только, что это здешняя обычная погода; холода наступили внезапно после страшной грозы и ливня). А потом тишина, почти абсолютная, после шума города и железной дороги. Такая тишина почти оглушает, слушаешь шум в ушах и в голове. Все это, конечно, прекратится скоро, и организм приспособится к новой среде. Это необходимое предисловие, чтобы показать Вам, что я еще не могу наслаждаться Вермонтом.

Но какая радость для глаз! Надо Вам сказать, что дом Карповичей³ — старый, разваливающийся, но большой деревянный дом, стоит на пригорке, у опушки

¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

² В оригинале письма: «светерах».

³ Семья историка Михаила Михайловича Карповича (1888–1959).

леса. Пригорок сползает в долину, за которой опять идут холмы. От нас отовсюду открывается вид на амфитеатр холмов (для России даже горы), покрытых лесом. Все зелено и дико, глаз едва различает один-два одиноких домика. Вся эта зеленая пустыня кажется безлюдной, ближняя деревня скрыта за горой. Кажется, что на свете только и есть что лес, и наша маленькая цивилизация в нем потонула. Но лес прекрасен, я Вам напрасно говорил, что деревья некрасивы. Они хороши на опушке, а лес сам такой густой и нечищенный, что внутри его нельзя и разобрать отдельных деревьев.

Сейчас здесь немного жильцов, сам хозяин в отсутствии. Не слышно даже разговоров. А моя маленькая квартирка (целых 3 пустых комнатки) отделена от главного дома целым рядом разрушенных сеней, сараев и переходов (Вермонтская деревенская архитектура — в один ряд). Это еще увеличивает мою изоляцию. Ночью, особенно в такую темную, дождливую ночь, как вчера, чувствую себя точно один в лесу. Временами даже жутко. Хорошо еще, что дикобразы не грызутся (но о дикобразах потом).

27

8 июня

Вот уже сегодня солнце пригревает с утра. Ненастные дни, очевидно, миновали. Будет тепло, будет и прохлада. Но как подумаю¹, что Вы там выносите, в Вашей квартире, мне становится стыдно, — как мог я Вас оставить! Правда, я всегда был против народничества моих близких друзей, которые (как Фундаминский²) верили, что нужно страдать и умирать вместе, но люди одно, а один милый человек, единственный — другое. С ним хорошо страдать и даже умереть. Почему же я мог Вас оставить? Или это свидетельство моего себялюбия, или, может быть, сознание, что я мало Вам нужен сейчас и мало могу помочь. Да, была эта мысль, я хорошо помню, когда я решал свой отъезд, но я не стою за нее сейчас. Я так часто менял свои мысли на этот счет.

Если сказать всю правду, то Нью-Йорк сейчас с Вами куда привлекательнее Вермонта без Вас. Но какой это был бы рай, если бы мы могли здесь отдыхать вместе. Здесь или где бы то ни было. Но молчу.

¹ В оригинале письма: «подумаете».

² Илья Исидорович Фондаминский (псевд. Бунаков; 1880–1942) — общественный деятель, публицист, лидер партии эсеров, в эмиграции с 1919 г., один из основателей и редакторов журналов «Современные записки» (1920–1940) и «Новый град» (1931–1939), который редактировал вместе с Г. П. Федотовым и Ф. А. Степуном, друг Федотова, принявший православие и трагически погибший в немецком концлагере. Причислен к лику святых.

Спасибо за Ивашкевича¹, которого читаю сейчас запоем. Не только мой польский язык сильно подвинулся, но я благодарен ему и за элегическую тему всех новелл: воспоминание о прошлой жизни на фоне Италии. И за то, что он человек моего поколения и моей sensibility² — такой несовременной.

Списал пока два старых стихотворения, которые не плохи, но виноваты тем, что посвящены не Вам. Потом пришлю еще.

Хотелось бы знать, вышло ли что из надежд на квартиру.

Целую Ваши руки, шлю привет всему панству Микуловских³.

Ваш Г. Ф[едотов].

28

From G. Fedotov

c/o Karpovich

West Wardsboro

Vt.

Miss Zoya Mikulovsky

98 Cannon St.

New York 2, NY

[Вест Вардсборо,] 12 июля 48⁴

Милая Зоя,

В ожидании Вашего письма продолжаю о Вермонте. Летняя погода окончательно установилась. Это значит, жарко, но сухо днем, прохладно вечером. В этом году все запаздывает в природе. Сейчас цветут розы и шиповник, которых много вокруг дома, светляки еще летают по вечерам, а малина только-только зреет. Звезды такие яркие, каких не бывает в городе, а м[ожет] б[ыть], и вообще внизу, на равнинах. Ночью они светят в мое окно, в которое заглядывает высокое стройное дерево. В его форме есть что-то человеческое. По вечерам оно кажется живым. Это один из двух великанов, которые стоят перед домом на нашей лужайке. Я говорил, что с нее открывается амфитеатр холмов. Прибавлю, что они никогда не остаются одинаковыми. Обыкновенно по ним ходят тени от облаков. Иногда облака спускаются ниже их, т[ак] что верхушки выглядывают из молочного тумана. Часто, как сегодня, на них лежит голубая мгла. Это почему-то бывает в жаркие дни.

¹ Ярослав Ивашкевич (Iwaszkiewicz; 1894–1980) — польский писатель, поэт, драматург, переводчик, на творчество которого Зоя обратила внимание Г. П. Федотова.

² Чувствительность, восприимчивость, вкус (англ.).

³ Намек на родословную Зои, отец которой был поляком.

⁴ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

На закате голубая мгла холмов не сливается с небом, а выделяется на его розовом фоне. Вот мой горизонт, мой мир.

Что касается мира человеческого, то я в этом году не сливаюсь с ним. Здесь много людей и очень милых, но мне трудно общаться с ними, может быть, потому, что у меня есть от них большая тайна, о которой хотелось бы говорить, но нельзя. Я все больше молчу, хотя мне с ними приятно. Они — это Карповичи и Терентьевы¹, которые сейчас гостят здесь.

Работаю я сейчас над «Словом о п[олку] Игоре»², но это на несколько дней. Потом примусь за книгу. Ивашкевича кончил и должен поделиться с Вами впечатлением о нем. В долгу я также и насчет дикобразов и медведей. Но все это на следующий раз. Ужасно думать о Вашей жаре. Дай Бог Вам найти поскорее квартиру. Будьте здоровы, милая. Ваш Г. Ф[едотов].

29

From G. Fedotov
c/o Karpovich
West Wardsboro
Vt.
Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St.
New York 2, NY
[Вест Вардсборо,] 14 июля [1948]³

Милая Зоя,

Вот уже больше недели как я в деревне, и не получал еще ни одного письма, кроме деловых. Я не настаиваю, я даже не прошу Вас писать. Я слишком хорошо помню Вашу обстановку и Вашу усталость. Но мне грустно. Несмотря на многолюдство здесь я ощущаю свое одиночество. Но знаю, что некого винить, кроме самого себя и своего эгоизма. Итак, терпеливо продолжаю... о зверях, как обещал.

До сих пор никто из наших не видел медведя, но слухом о них полна вся округа. Говорят, что прошлой зимой в окрестности убили 43 медведя, и что у многих фермеров можно найти медвежьи окорока и шкуры. Не теряю надежды, что ког-

¹ Владимир и Татьяна Георгиевна Терентьевы. Т. Г. Терентьева (1908–1986) была впоследствии редактором издательства им. Чехова в Нью-Йорке.

² Федотов Г. [Рец. на кн.:] *La Geste du Prince Igor. Épopée russe du douzième siècle. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel.* N.Y., 1948 // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. № 20. С. 301–304.

³ Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

да-нибудь и мне удастся увидеть Вашего геральдического зверя или, по крайней мере, услышать его нежное рычание. Зато дикобразов сколько угодно. Чуть не каждую ночь они приходят возиться на чердак над моей головой. Сережа Карпович¹ двоих за эту неделю убил из ружья. Откуда такая жестокость, и за чем эти звери ходят на чердак? Дикобраз — это громадный еж, величиной со свинью или с поросенка и с оранжевыми зубами. Когда он хочет Вас напугать, он препротивно лязгает зубами, но не нападает и вообще безвреден. Только одно... он большой любитель сухих досок и приходит в дома, чтобы грызть их. Мой флигель наполовину необитаем, и потому дикобразы хозяйничают там, как дома... Грызут полы и потолки. Если дать им волю, от дома ничего не останется². В прежние годы, когда они мешали мне спать, я выгонял их палкой. Карповичи — люди с психологией пионеров (кроме М[ихаила] М[ихайловича]), и оперируют ружьями, а не палками. Каждое лето стреляют д[икобразов] десятками, а где-то в «графстве» (county) дают по полтиннику за пару ушей. Простите, что кончаю этой мрачной картиной. В следующий раз обещаю писать о «северном сиянии», если Вы не вызовете меня на более интересную тему. Ваш не очень счастливый друг

Г. Ф[едотов].

30

Miss Zoya Mikulovsky

98 Cannon St.

New York 2, NY

[Вест Вардсборо,] 18 июля 48³

Милая Зоя,

Вчера получил Ваше письмо. Огромное Вам спасибо за него, оно сняло у меня с души большую тяжесть — тяжесть одиночества. Я Вам говорил, что здесь не получал ни от кого ни одного личного письма. И по разным причинам, о которых сейчас не хочется писать, чувствовал себя чужим в здешнем обществе. Это мое обыкновенное состояние во всяком обществе — и происходит, конечно, по моей собственной вине: итог целой жизни, проведенной в романтическом уединении. Люди относятся ко мне лучше, чем я заслуживаю и чем я отношусь к ним. Но я не разумом, а чувством (ложность которого я сознаю) не доверяю им. Я нуждаюсь во все новых доказательствах их участия. Это ли не смешная и жалкая участь! После того, как прочитал Ваше письмо, сразу растаял и лед в отношениях с людь-

¹ Сергей Михайлович Карпович — сын М. М. Карповича.

² В оригинале письма: «не останутся».

³ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

ми. Мне стало легко и свободно с ними. (Кстати, наше общество убавилось наполовину вчера, с отъездом Терентьевых).

Я знаю, милая, как трудно Вам писать. Поэтому прошу Вас, пишите покороче и почаще. Мне нужно знать, что Вы меня не забыли.

Я так рад, что Вы нашли возможность взять курс английского языка, хотя это и стоит Вам нечеловеческих трудов. Вы только не пишете, как Вы это осуществили: приезжаете ли по вечерам или Вас отпускают со службы, и сколько раз в неделю? Довольны ли Вы преподавателями? Если не пишете о квартирах, значит, они провалились. Грустно, хотя это можно было предвидеть. Позвольте мне еще напомнить мой совет или мою просьбу. Проводите один день в неделю за городом, лучше всего на пароходе. Можно и книги брать с собой. При Вашем страшном напряжении этот отдых совершенно необходим.

А о себе что писать? Как Вы уже знаете, мое внутреннее состояние отвратительно. О вдохновении не может быть и речи. Но я и не бездельничаю, и не так много гуляю. (В сущности, надо было бы больше, как хорошо было бы с Вами!). Что я сделал до сих пор? Немного. Только что кончил рецензию на «Слово о п[олку] Игор[еве]»¹. Много читал по-польски, Мих[аил] Мих[айлович] привез мне из Кембриджа польско-русский словарь, т[ак] что я заметно подвинулся. Но мой словарь еще так ограничен. Я доволен, что могу бегло читать вслух, и польские начертания шипящих уже не останавливают меня на каждом шагу. Как Вы, вероятно, видели сами (если прочитали половину книги) все *Włoskie nowele*² на одну тему, мне очень близкую: о неосуществимости любви. Или человек проходит мимо ее, или она исчезает, как только он прикоснется к ней, и живет только в воспоминании. (Воспоминание и мистика времени-смерти — это другая тема Ивашкевича, связанная с первой). Все это много значит для меня, а польский язык (для меня не очень благозвучный) стал милым, будучи связан с Вами. Жалею, что не могу, и долго не смогу, писать Вам по-польски.

С сегодняшнего дня принимаюсь за привезенные с собой материалы для книги. Кстати, получил письмо от редактора *Russian Review*³, который просит у меня очень небольшую статью⁴. Это значит, что мне нужна скорее глава о Стефане Пермском (о стригольниках потом)⁵.

Мне больше хотелось бы писать не о себе, а о здешней природе: животных, птицах и растениях. Сегодня скажу Вам вещь, которая м[ожет] б[ыть], будет Вам приятна. Дерево против моего окна — Elm (не хочу писать вяз) — большая здесь редкость. До свидания, мой друг. Целую Ваши руки. Ваш Г. Ф[едотов].

¹ См. примеч. 25.

² «Итальянские новеллы» (польск.) — сборник рассказов Я. Ивашкевича, вышедший в 1947 г. в Варшаве.

³ «Русское ревю» (англ.) — американский академический интердисциплинарный журнал, посвященный истории и современности русской культуры и издаваемый с 1941 г. по настоящее время при Канзасском университете.

⁴ После 1947 г. статьи Г. П. Федотова в этом журнале не выходили.

⁵ Имеются в виду VII и II главы из второго тома книги Г. П. Федотова «Русская религиозность».

31

From G. Fedotov
98 Cannon St.
New York
Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St. Ap. 26
New York, NY
[Вест Вардсборо,] 27 июля [1948]¹

Милая Зоя,

Что-то мне опостылел Вермонт, и я собираюсь домой. Я и раньше положил себе вернуться к августу, а тут получил письмо от Елены Николаевны², которое меня очень расстроило. Не хочется писать в письме, может быть, расскажу при свидании. Я тут, как будто, не при чем, но у них, у Нины т.е., очень неблагополучно. Мне хочется повидаться с ними — не то, чтобы я мог чему-нибудь помочь, а так, разве утешить немного. Да и свою вину горько чувствую — горький итог целой жизни. Их я в Нью-Йорке не застану, они уже в Чураевке³, но я смогу туда съездить на день — на два.

От Вас было только одно письмо. После него мне стало легче тут с Карповичами, но все же чувство одиночества не проходит. Тут тоже довольно своей тоски, хоть и очень хорошие люди, а мне, чужому, помочь ничем нельзя. (Другой бы человек и смог, вероятно).

Не хочется назначать точно день отъезда, но, наверное, осталось мне тут меньше недели. Вы мне не пересылайте рукопись, если готова. Как приеду, Вам позвоню. Хочется думать, что Вы не в конец измучились, пока я отдыхал. Буду Вас уговаривать опять бросить службу и уехать куда-нибудь. Но даже в Нью-Йорке, в страшную жару, я думаю, мы можем поддерживать друг друга. Для меня-то это последний свет в жизни. (Или тепло?). Без Вас так холодно. Ну, полно.

Странно Вам читать, что у нас тут все дожди, и мы ходим в теплых фуфайках. Часто и обедаем в комнатах. Как неравномерно распределено все на свете. Не завидуйте нашим холодам. До свидания, уже не далекого. Ваш Г.Ф.

¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте. Год отправления на штемпеле виден нечетко, определен по связи содержания с предыдущими письмами (отдых на даче Карповичей).

² Елена Николаевна Федотова (урожд. Нечаева, 1885–1966) — жена Г. П. Федотова.

³ Деревня, созданная русскими эмигрантами в штате Коннектикут, США.

[Приложение]

1.
Черный кубок твоих волос
Источает струю
Аравийского нарда и мирры.
Черное пью
Вино с твоих лоз,
Пью забвение жизни и смерти и мира,
Черный кубок твоих волос

Черное солнце твоих волос
Встанет в пышном венце лучей,
И погаснет день,
И опустится ночь страстей
На страду серпов и на ярость кос,
И отбросит алмазную, звездную тень
Черное солнце твоих волос.

Серебро твоих волос
Как осенний полет паутинки,
На «багрянце и золоте»¹ первый мороз,
Первые льдинки
На летейских водах, уносящих в обитель блаженных
Серебро твоих волос.

2.
Твоя рука прозрачнее опала
И пальцы — кротки стать на век могли бы,
В моей груди комочек сердца алый,
Трепещущий, как пойманные рыбы.

Рука-владычица, простит ли дерзость губ,
Пресыщенных медвяными перстами,
Что отрываются и падают, как труп,
Ища запретного под простынями —

Твоей стопы беспомощной и нежной
В прозрачной сетке жил голубоватых,
Измученной ботинкой безнадежно,
Как крылья белых мотыльков измятых.

¹ См. стихотворение А. С. Пушкина «Осень» («Унылая пора! Очей очарованье!..», 1833).

32

Еще вчера я был совсем здоров,
Или казался в самомнении силы,
Утихла страсть. Отчетлив и суров
Мой путь очерчен до могилы.

Но отчего ж опять сочится кровь
Из старой раны, точно к бою,
И закипают слезы вновь
В ответ небесных скрипок строю?

Иль оттого, что завершился год
Моей и горестной и сладостной судьбины,
И в звездном круге Скорпион ведет
Волшебной Флейты годовщину?

Я не могу забыть: горящий счастьем взор
И синее Ночной Царицы платье,
Моцарта дивных звуков хор
И милых рук чуть слышное пожатье.

25 ноября 48
День Благодарения

33

From G. Fedotov
615 North County Rd.
Palm Beach
Fla.
Miss Zoya Mikulovsky
98, Cannon St. App. 24
New York 2, NY
[Палм-Бич,] 26 дек[абря] 48¹

Милая Зоя,

Я здесь всего четыре дня — и того нет — а столько прошло психических волн. Каждый день менялся душевный климат, и я должен был бы писать Вам каждый день, чтобы регистрировать погоду. Но, может быть, это и не к чему.

¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

Дорогой я думал больше о том, что оставил позади, чем об ожидавшем меня. Но утром, в 9 часов, в Jacksonville, — первый город Флориды — выйдя на станцию, вдруг вдохнул настоящий весенний воздух, увидел пальмы и голубые цветочки в траве. Первое впечатление юга, Вы знаете, опьяняет. Через час было уже тепло, через два жарко. Приехал в совершенно летний, по-нашему, день. Тот же запущенный сад, вернее джунгли капустных пальм, тот же океан, бушующий вдали, но смирный у берега за порогом рифа. Но я решился искупаться только на третий день из-за легких остатков простуды. Удовольствие было большое.

В личных отношениях первый день был безоблачный. Особенно мила была Танюша¹, которая стала вдвое² больше, совсем осмысленная, живая, все время в движении, в попытках подняться и сесть — в чем я украдкой помогаю, невзирая на запреты старших дам. За это я получаю нагоняи, но вознагражден прелестной улыбкой.

Но на другой же день стало ощущаться накопившееся электричество, смягчаемое всеобщим писанием рождественских поздравлений. Наконец, в сочельник разразилась буря, захватившая более или менее всех в свой водоворот. Я должен был бы быть умиротворяющим началом, но, как всегда, поддался общему настроению.носителем электричества была, конечно, Елена Николаевна и, как всегда, за мелочами хозяйственных недоразумений лежит основная и серьезная драма: глубокое, и справедливое, хотя преувеличенное, недовольство матери Ниной, ее пассивностью и непониманием своих моральных обязанностей. Деньги утекают на вздор, а близкие друзья в Европе остаются без помощи. Весь сочельник прошел в обидах, и святая ночь пропала. А я так много думал о ней. Был я в церкви — по-Вашему, в костеле, — один. И вместо молитвы дремал за бесконечной проповедью.

Зато после грозы воздух очистился, и мы живем в мире и согласии. Но сегодня завистливая природа вдруг озлилась. Небо в тучах, холод и ветер, совсем не летний. Море шумит угрожающе, и за ночь я успел простудиться в постели. Теперь мечтаем о возвращении солнца.

Я хотя и много смотрю на звезды, все еще не привыкнув к южному небу, но не решаюсь разговаривать с Сириусом и писать стихи. Однако о Вас много думаю, почти все время. Думаю, что худо ли, хорошо, но Ваши нервные волнения, связанные с колледжем, на время улеглись и Вы, хотя, вероятно, работаете все время, но более спокойно. Должно быть, пишете о средневековой лирике. Дай Вам Бог сил, здоровья и вдохновения.

Как это ни странно, но я начал чувствовать в Германии (как раньше в Польше) новую связь между нами, и общаюсь с Вами через Томаса Манна. Я подарил

¹ Татьяна Федоровна Рожанковская — дочь Нины и Федора Рожанковских, внучка Г. П. Федотова.

² В оригинале: «двое».

Нине его последний роман, *Dr. Faustus*¹, в переводе — формально, потому что там много говорится о музыке, а по существу, потому, что мне самому хочется его прочесть. Я очень часто поступаю так при выборе книг для подарка. Книга эта написана как философия искусства — в частности, для анализа вопроса о демоническом в искусстве, очень меня волнующем. А в философии искусства я чувствую себя Вашим должником. Право, если бы была какая-нибудь надежда, что Вы сможете ходить на мои лекции, я чувствую в себе достаточно дерзости, чтобы объявить курс по Христианской Эстетике.

Милый, нежный мой друг, я сегодня, несмотря на все ветра и серое небо, чувствую какой-то восторг, который будет растрочен бесследно, без стихов и без творчества.

Целую Ваши руки без счета, так хочется прижать Вашу голову к своей груди. Привет всем дорогим Микуловским, включая Филиппов².

Всегда Ваш Г. Федотов.

34

From G. Fedotov
615 North County Rd.
Palm Beach
Fla.
Miss Zoya Mikulovsky
98 Cannon St.
New York 2, NY
[Палм-Бич,] 29 дек[абря] 48³

Милая Зоя,

Сегодня не могу сообщить Вам ничего веселого. Со времени моего последнего письма я не выхожу из простуды. Погода ветреная и дождливая, это, вероятно, далекое отражение ваших морозов. Вы, должно быть, очень страдаете все, отвыкнув от русской зимы.

Я решил сегодня поделиться с Вами грустной вестью, которая отчасти заденет и Вашу жизнь. Вы, может быть, не слыхали еще о несчастье с Якобсоном⁴. Его

¹ «Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом» — роман Т. Манна, вышедший в 1947 г.

² Филипп — фамилия мужа сестры Зои, Валерии Осиповны.

³ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

⁴ Роман Осипович Якобсон (1896–1982) — лингвист, литературовед, культуролог, один из основателей ОПОЯЗа, Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков, в то время профессор Колумбийского университета, впоследствии один из профессоров Зои в Гарвардском университете.

сбил автомобиль и переломил ему обе ноги. Ему придется лежать чуть не полгода, но доктора обещают, что он сможет ходить. Лекций читать в этом семестре, разумеется, не придется. Мне рассказали об этом вечером накануне отъезда, после нашего прощального обеда. Я мог бы сообщить Вам раньше, но все откладывал. Не хотелось огорчать Вас, но Вам надо уже теперь строить планы на весенний терм¹. У меня странное чувство, точно я накликал эту беду, предупреждая столько раз о хрупкости его жизни. Теперь, когда беда пришла, я буду утешать Вас и себя, что не все пропало, что он поправится, что Европа его не сманит, и что осенью мы будем слушать его лекции в Колумбии.

Не знаю, в каком он госпитале, а то Вы могли бы навестить его и поговорить и о своих планах на будущее.

Моя жизнь не очень печальна. Главное утешение — внучка, которая меня узнает и любит. Она, в самом деле, очень мила и полна жизни — вроде Вас. С Еленой Николаевной не ссоримся. Она очень мрачна, и мне ее бесконечно жаль. Любовь к Танюше нас объединяет. Рожанковский всегда весел, молод и работает с утра до вечера, мне живой укор.

Живем мы в огромном аквариуме, с прозрачными стенами и на виду друг у друга. Отсутствие своей норы меня стесняет, я привык к подполью.

Это письмо, вероятно, Вы получите к Новому Году. Примите мое поздравление, которое я, чуть ли не в первый раз в жизни, выразил бы так:

С Новым Годом,
Со старым счастьем! Ваш Г. Ф[едотов].

1949

35

AIR MAIL

Miss Zoya Mikulovsky
98, Cannon St.
New York, NY
[Палм-Бич,] 1 янв[аря] 49²

Милая Зоя,

Ваше письмо было для меня большой радостью и неожиданностью. Я знал, какой груз эпистолярных долгов лежит на Вашей совести, и не надеялся ни на что

¹ Здесь: семестр (англ.).

² Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

другое, кроме открытки. Все же мне было немножко больно, что Вы не пожелали взять моего адреса, как бы подтверждая, что надеяться мне не на что. Вчера я был вознагражден с избытком — *gratia superaddito*¹ — не только письмом, но и тем, что я прочел в нем. Если бы Вы знали, как слабы моя вера и надежда, и как они нуждаются постоянно в доказательствах от разума, — как вера протестанта 19 века.

Вы велели мне писать стихи. Я сейчас же повиновался. Пошел на берег моря и принес оттуда набросок того, что здесь прилагаю. С Вашим письмом в памяти это было не трудно. О качестве не говорю, но как я счастлив, что Вы находите удовольствие в моих стихах.

За мой неприличный или неприличествующий восторг наказание не заставило себя ждать. Вечером произошла ужасная сцена, в которой я был одним из главных действующих лиц. Я убежал из дома и уехал бы немедленно в Нью-Йорк, если бы мой билет не был взят на 5-е января. Охладив свое бешенство в синема[то]графе, я должен был, скрепя сердце, вернуться домой, к новогоднему ужину. По счастью, были гости, двое немецких беженцев, с[оциал]-д[емократы], которые здесь голодают без работы и почти каждый день бывают у нас. Вечер прошел кое-как, т.е. грустно, хотя мои дамы искали примирения. Так был испорчен второй роковой вечер здесь, только бы это не было предзнаменованием на весь год. Примирение пришло само собой, без объяснений, сегодня. Сейчас чувствую себя избитым, но отдыхающим. Половина вины была моей, не делайте себе иллюзий. М[ожет] б[ыть], нехорошо разрушать Ваши на мой счет иллюзии, но у меня есть большая потребность делиться с Вами всем.

Холода нас не оставляют. Два дня мы топим камин (т.е. небо) обломками кораблекрушений. Но солнце сияет над Флоридой (*Florida frigida*²), и моя простуда прошла назло природе. Тороплюсь домой, теперь уж скоро, к Вашему Тихому Свету³.

Всегда Ваш Г. Ф[едотов].

¹ Благодарность с избытком (лат.).

² Холодная Флорида (лат.).

³ Цитата из вечерней молитвы «Свете тихий».

36

Miss Zoya Mikulovsky
3364, 155th St.
Flushing, NY
[Нью-Йорк,] 29 апр[еля 1949]¹
5–6 час[ов] дня

Милая моя девочка,

Пишу Вам сам не знаю зачем. Только потому, что сердце переполнено любовью и что наши краткие встречи и отрывочные разговоры не могут удовлетворить его. Не сердитесь на старого дурака. Тот другой, рассудительный, который всегда со мной, подсказывает: твое лирическое волнение отчасти след острого отравления Блоком (как бывает отравление грибами), отчасти впечатление той новости, которую я узнал вчера от Вас: что наша разлука ближе, чем я думал. А для меня теперь разлука — всякая — должна нормально представляться вечной.

Но не думайте, милая, что я удручен. Вчера было очень больно. А сегодня я почему-то счастлив. Потому ли, что верю, что ничто не в силах отнять Вас у меня. Или потому, что я благодарен Богу, что он, презрев мои грехи и годы, дал мне жить не своей одинокой судьбой, а Вашей. О, какое это счастье — жить для Вас, для другого, и как поздно в жизни я нашел это счастье.

Так хочется, чтобы Вы могли освободиться от заботы и страха, недостойных Вас, и жить эти недели (страду Вашу) только радостью и усилием труда, не думая о жатве. А жатву посылает Бог, и Вас он всегда наделяет щедро. Живите надеждой, той забытой добродетелью, которая для меня дороже всех:

— «Она, что из всех мне дороже
Сестер у Отца в терему»².

Если получите это к вечеру завтра, спите спокойно. А я мысленно целую Ваши усталые глаза — и руки.

Всегда Ваш Г. Ф[едотов].

¹ Место и год отправления определены по почтовому штемпелю на конверте.

² Неточная цитата из стихотворения Г. П. Федотова, посланного Зое 1 января 1948 г.

37

Miss Zoya Mikulovsky
c/o Dr. R. T. Burgi
Chatham, N. J.
(Route 66)
[Нью-Йорк,] 2 июля 49¹

Милая Зоя,

Помнится, перед Вашим отъездом я просил Вас забыть на время о нашем существовании. Сегодня как раз неделя со дня Вашего отъезда, и я должен Вам напомнить о себе по деловым основаниям. Наступают трехдневные праздники, почта ходить не будет, а во вторник я еду на дачу к Рожанковским, на неделю, 5–12. Нужно дать Вам мой временный адрес: c/o Mr. Serebryakov, Alexander Road, Lakewood, N. J.

Валя обещала мне телеграфировать о приезде Христенко², и тогда я приеду, чтобы встретить их и перевезти к Вам. Я не думаю, чтобы они приехали ранее 12-го. А при удаче я смогу уехать в Вермонт с Терентьевыми, 16-го июля.

Я понемногу работаю и надеюсь закончить здесь ту главу (о князьях)³, которую начал во Flushing⁴. Достал для Вас кое-какие книжки из моих любимых поэтов. На этом кончаю. Думал было о большом письме, но отложил, чтобы не нарушать Вашего отдыха. До скорого свидания.

Ваш Г. Федотов

¹ Место отправления определено по почтовому штемпелю на конверте.

² Ирина Христенко — подруга Зои.

³ Имеется в виду IV глава второго тома книги Г. П. Федотова о русской религиозности.

⁴ Район Нью-Йорка, в котором жила Зоя, с чьей помощью он, вероятно, начал писать IV главу.